

§ 4. Философия истории Говарда Фаста

Создается впечатление, что наиболее значительный создатель американского исторического романа XX века Г.Фаст обращается к прошлому в поисках своих корней. Двойственность этих корней определяет тематику его исторических романов. Как американец, он ищет исторические корни своей нации в событии, основном для формирования нации и ее национального сознания – в Войне за независимость, в Революции. Результатом этого поиска стала целая серия исторических романов о Революции, создаваемая им на протяжении всего его творческого пути: «Рожденная для свобода» /» *Conceived in Liberty*», 1939/, «Непобежденные» /» *The Unvanquished* «, 1942/, «Гражданин Том Пейн» /» *Citizen Tom Paine* «, 1943/, «Гордые и свободные» /» *The Proud and the Free*,» 1950/, «Апрельское утро» /» *April Morning* «, 1961/, «Переправа» /» *The Crossing* «, 1972/, пьеса «Генерал Вашингтон и водяная ведьма» /» *General Washington and the Water Witch* «, 1956/.

Как еврей, он обращается к далекому историческому прошлому своего народа, пытаясь осмыслить его трагическую судьбу и увидеть в ней прообраз проблем, постоянно возникающих в поступательном движении человечества. В результате в его творчестве появляются такие исторические романы, как «Мои славные братья» /» *My Glorious Brothers* «, 1948/, «Моисей, Принц Египта» /» *Moses, Prince of Egypt* «, 1958/, «Дочь Агриппы» /» *Agrippa's Daughter* «, 1964/, «Торквемада» /» *Torquemada* «, 1966/.

Цикл романов о революции начинается романом «Рожденная для свободы»¹, описывающим страшную для армии Вашингтона зимовку, проведенную в Вэлли Фордж. В этой книге поставлены проблемы, основные для философии истории Говарда Фаста, которые он будет стремиться решить в каждом из своих исторических романов, переосмысливая их по мере накопления общественно-политического опыта и углубления собственного понимания сущности исторических процессов.

Идея истории этого исторического романа ярко и полно выражена через духовные искания героя, Аллена Хейла, и других второстепенных персонажей – Джейкоба Эли, польского еврея, участника восстания Костюшки, Кентона. Эти герои составляют единый «мы», народ – новый герой исторического романа появляется в американской исторической романстике: Фаст воскрешает один из самых трудных периодов революции, когда голодная и раздетая армия Вашингтона, постоянно терпящая поражения от прекрасно экипированного и обученного противника, разбила зимний лагерь в Вэлли Фордж, в котором солдаты умирали сотнями от голода и мороза.

Герои романа отправились воевать за смутно осознаваемые революционные идеалы, но нечеловеческие условия трехлетнего пребывания в армии Вашингтона, постоянный голод, лохмотья вместо обмундирования, поражения, следующие одно за другим, ненависть к офицерам, с презрением относящимся к солдатам революции, отделившим себя от революционного народа, заставляют их в осуществимости идеалов усомниться. И вот уже герой спрашивает себя: «Какие мечты заставили тебя последовать за ужасным кошмаром революции?», а затем, суммируя умонастроения своих товарищей, признается: «Мы ненавидим революцию»².

Классовый антагонизм, проявивший себя еще при рождении американского государства и пронизавший даже революционную армию – основной тезис концепции истории американской революции Говарда Фаста, вызвавший в свое время /40-е – начало 50-х годов/ официальную любовь к нему советских литературоведов и необоснованные нападки на него как на «пропагандиста в исторической романистике, который любой исторический кризис всегда воспринимает как борьбу между окопавшимися привилегированными слоями и пролетариатом», в американском литературоведении. Для Говарда Фаста американская революция – в первую очередь война классов, и это находит выражение в построении образов романа, в его сюжетных перипетиях, в эпизодах с офицером, которого Джейкоб избивает, а солдаты, присутствующие при инциденте, поддерживают его; с офицером, который отказался пропустить солдат с больным товарищем в лазарет; с офицерами, попытавшимися отобрать у изголодавшихся солдат мясо двух убитых ими оленей. Генерал Уэйн едва не убил Джейкоба за отказ подчиниться его приказу – присоединиться к 14-му Пенсильванскому полку. Аллен так оценивает происходящее в тот момент: «Я чувствовал, что я присутствую при финале революции»⁴. Офицеры, не разделяющие страданий умирающих от голода и холода солдат, судят трех дезертиров и, вопреки всем нравственным и юридическим доводам, приговаривают их к повешению. Солдаты одинаково ненавидят как англичан, так и Конгресс, оставивший их без пищи и одежды, бросивший их на произвол судьбы. Один из героев романа предрекает, что вскоре война станет гражданской, что после победы над Королем революционные солдаты возьмутся за Конгресс. Накал классового противостояния в этом романе, создававшемся в «красные 30-е», отражает предгрозовую атмосферу общественно-политической жизни страны, пронизанную электрическими сполохами созревших «гроздьев гнева» неимущих. Следует отметить, что этот накал классового антагонизма увеличивается от одного романа Говарда Фаста к другому, достигая апогея в «Гордых и свободных». «Американская мечта»

¹ Fast H. *Conceived in Liberty*. – N.Y., 1945. – P. 37.

² Ibid. – P. 52.

³ Wagenknecht E. *Op.cit.*

⁴ Fast H. *Op.cit.* – P. 34.

оживает в романе Фаста на уровне идеи истории, в мечте и жизненном подвиге еврея Аарона Леви, участника восстания Костюшко, сосланном в Сибирь, бежавшим оттуда и добравшимся до Америки, чтобы сражаться за революцию, которая даст землю всем людям. В его словах: «Это – новый мир»⁵ – рождение американской мечты о новом обществе и новых людях, населяющих его. В мечте страстного приверженца революции Джейкоба, воюющего за свободную землю, на которой будет царить новый, отличный от Европы, миропорядок.

Едва переживший зимовку в Вэлли Фордж, дезертировавший, пойманный, приговоренный к повешению, замененному 20 ударами плетей на жестоком морозе, потерявший возлюбленную, но все же чудом выдержавший Аллен Хейл ищет в бреду ответ на вопрос, «в чем цель этой войны? Для бедных – изгнать богатых, для богатых – раздавить бедных, за свободу, которая никого не делает свободным?... Массачусетсы развязали эту войну, чтобы их корабли беспрепятственно плавали по морям. Виргинские плантаторы – чтобы повысить цены на свои товары. Торговцы мехом – чтобы сломить крупные английские компании. Только почему мы здесь, фермеры, умираем и превращаемся в животных? Нам-то что за дело до всего этого»⁶. Первый «момент истины» герой переживает во время казни своего друга Кентона, пожертвовавшего собой ради него. Охваченные возмущением против несправедливого приговора, солдаты качнулись вперед, готовые отбить Кентона, и герой «увидел революцию, исходившую от нас, являющуюся частью нас, частью безграничного возмущения силами, уничтожавшими гордость человека, его чувство собственного достоинства. Частью людей, рожденных в новый мир»⁷. Фаст передает рождение нового самосознания свободного человека, коллективного революционного самосознания, объединившего бывших фермеров в одном порыве. Окрик генерала Уэйна заставил солдат «отпрянуть в годы войны, простиравшейся впереди». Подобная ситуация, только в гораздо более острой форме, через одиннадцать лет будет повторена Фастом в романе «Гордые и свободные». В нем герои романа тоже стоят перед выбором: либо жизни товарищей, ради спасения которых надо пролить кровь, либо соблюдение революционной дисциплины ради продолжения борьбы и конечного торжества революции, но потеря товарищей. В «Гордых и свободных» герой осознанно выбирает последнее, в рассматриваемом романе – тоже, хотя выбор героев сделан пока неосознанно. Одна из основных проблем в философии истории Говарда Фаста – проблема революционного насилия. В каждом из своих исторических романов он ставит вопросы: насколько необходимо и оправдано насилие над личностью для торжества революции, может ли лидер революции, боец революции обойтись без него? Эта проблема является одной из основных и для «Рожденной для свободы». В одном из ключевых эпизодов романа, споре Гамильтона, назначенного защитником трех дезертиров, в суде, с Вашингтоном, Гамильтон, которому Фаст доверяет высказать свою точку зрения, так объясняет, почему он не может допустить повешения подсудимых: «... если хотя бы одна жизнь будет прервана несправедливо, если хоть один человек должен умереть из-за зависти и ненависти, то наше дело уже скомпрометировано. Его больше не существует. Ради него не имеет смысла страдать»⁸. А на замечание Вашингтона «Мы – в аду, а ад не отличается нежностью», Гамильтон отвечает: «Мы – человеческие существа в аду. Как только мы перестанем ими быть – что за польза в нашей борьбе»⁹. Человечность, ее сохранение для Фаста превыше всего, так в его исторических романах начинается тема, которая достигает своего логического разрешения в «Гордых и свободных» и в конце концов приведет Фаста к отказу от марксизма – тема невозможности пожертвовать хоть одним человеком во имя торжества великого дела. В пикет русской революционно-демократической мысли «Дело прочно, когда под ним струится кровь!», для Фаста нет ничего более святого, чем человеческая жизнь. Идею насилия, диктатуры, основную в марксистской концепции революции, он подвергает анализу в каждом из своих исторических романов, и его неприятие насилия и диктатуры становится все более резким, достигая своего апогея в «Гордых и свободных». Окончательный ответ Фаста – неприятие насилия над личностью, неприятие диктатуры, чьей бы то ни было и во имя какой бы высокой цели она ни провозглашалась.

Идейная позиция Фаста по этому вопросу определяет и его отношение к героям романа. Три основных героя романа, призванных выразить философию истории автора, представляют разные воплощения революционного участия. Аллен, как и стоящий за ним автор, предпочитает Эли, не только за его преданность революции, но и за то, что он – «дух, ... он – любовь»¹⁰, и не доверяет Джейкобу, кредо которого – «Человек – ничто, Революция – все»¹¹, проклявшему друга, дезертировавшего и замерзшего в снегу. Фаст, как и Уильям Эдмондс, против фанатизма, в том числе и революционного, и психологически точно указывает на причины предрасположенности личности к фанатической приверженности идее: «Он не умеет мыслить глубоко, и в то, во что он верит, он верит инстинктивно»¹². «Джейкоб – человек идей, но люди идей теряют все подобие человечности»¹³, – предупреждает герой, и далее рассуждает о Джейкобе

⁵ Fast H. Op.cit. – P. 62.

⁶ Fast H. Op.cit. – P. 159-160.

⁷ Fast H. Conceived in Liberty. – N.Y., 1945. – P. 163.

⁸ Fast H. Op.cit. – P. 141.

⁹ Fast H. Op.cit. – P.143.

¹⁰ Ibid. – P. 56.

¹¹ Fast H. Op.cit. – P. 52.

¹² Fast H. Op.cit. – P.52.

¹³ Fast H. Op.cit. – P.159.

и его идеале: «Новая земля на месте пустоши. Человек с одной целью: изгнать англичан. Пусть люди умирают, самое важное – цель. Изгнать последнего англичанина. Прогнать женщин в леса на растерзание дикарям».¹⁴

Впрочем, в этом первом романе о революции, Фаст, в силу необходимости, смиряется с идеей революционного насилия в революционной войне, без которого невозможно победить. Мучительные размышления героя о смысле войны и всех перенесенных им и его товарищами страданиях, слова Эли о том, что «Что-то выйдет из этой зимы, из наших мук – мы дали рождение... Ты что-то делаешь для себя... Новую жизнь – новый мир для людей»¹⁵, приводят Алена Хейла к добровольному продлению срока своей службы в недавно столь ненавистной ему армии. Ключевой образ романа – образ нации, рождающейся в муках (что нашло отражение в заглавии романа), новых людей, свободных и готовых умереть за свободу, революционных бойцов, тоже рождающихся в муках, преодолевающих свой страх и свое внутреннее рабство, впервые начинающих осознавать, за что они умирают. Добровольно приняв на себя командование бригадой, Ален Хейл, следя за отборными полками наступающих англичан, понимает, что «это – вся Европа. Вот с чем мы боремся, с грубым презрением к человеку, с насмешливым презрением к человеческой жизни, к его душе, к праву человека на жизнь, на то, чтобы никого не иметь над собой... Вот с чем мы всегда будем бороться. Мы- жизнь. Они жизнь потеряли. Они потеряли способность страдать и терпеть и существовать. Они принадлежат прошлому»¹⁶. В откровении Алена Хейла выражена концепция американской революции Говарда Фаста, видящего ее суть в классовом антагонизме, в столкновении и борьбе разных менталитетов – феодальной эпохи и нового буржуазного мышления, основанного на мечте о равенстве, свободе, братстве, уважении к личности. Так, с оглядкой на полтора столетнюю историю страны, переосмысливаются Фастом истоки «американской мечты», когда, согласно воссозданной им идее истории, американские фермеры понимали, что они «воюют не с англичанами... а за новую прекрасную землю... За новых людей на этой земле... Свободной земле!»¹⁷.

Но новый Ален Хейл, ощутивший свою кровную связь с революцией и отказавшийся от всего, чтобы служить ей, вдруг, в пылу боя, замечает, что «Я стал машиной для убийства – лед внутри. Я больше не человек. Я обнаружил в себе Джейкоба»¹⁸. Другим революционный боец, по мысли Фаста в период написания романа, быть не может. Это та жертва, которую требует революционная борьба от ее участников – потеря человечности. Отсюда странная, на первый взгляд, метаморфоза, происходящая с героем: он любит Эли, но наследует Джейкобу, наследует его революционный пыл и непримиримость. Выражая неотвратимость подобной трансформации автор заставляет Алена обратиться с мысленным укором к Эли: «Ты планировал это для меня!», к Эли старавшегося сделать из него бойца революции.

Согласно философии истории Фаста, человек, одержимый великой освободительной идеей, всегда одинок. Революция требует подавления всего человеческого в человеке. Такова эмоциональная доминанта образов Вашингтона, Уэйна, Джейкоба в «Рожденной для свободы», таким мы увидим и Томаса Пейна в одноименном романе. С этой точки зрения интересна эволюция образа генерала Уэйна в исторических романах Фаста. В этом первом романе о революции он изображен гораздо более привлекательным, чем в «Гордых и свободных». Его революционный энтузиазм импонировал Фасту в 30-е годы; через одиннадцать лет Фаст увидел в нем бесчеловечность, классовый антагонизм к тем, кем он командовал, что и обусловило нелицеприятное изображение его в «Гордых и свободных».

Говард Фаст исторически прав, подчёркивая, что новое рождается в жестокой борьбе со старым, отжившим: «Америка рождается из крови и смерти... Мир – наш, созданный нами здесь из мук зимы и крови мушкетеров»¹⁹, – восклицает Аллен Хейл в пылу битвы. Автор ему не противоречит, но, стремясь ослабить кровавадно-впечатлительное от упоенного боем героя, затем, по окончании битвы, вкладывает в его уста панегирик Эли, который по-прежнему остается для Аллена идеалом человека, размышления о «сердце человеческом. Человек – существо священное, и его тело тоже священно. Человек создан по образу и подобию Бога»²⁰. Фаст, на уровне идеи истории, не только выражает в этих словах героя просветительские идеалы и отношение к человеку, свойственные эпохе, но и как бы освящает кровавый подвиг героя, убивающего во имя свободы и жизни.

"Непобежденные», исторический роман, героем которого является Вашингтон, создавался Говардом Фастом в один из самых тяжелых периодов II мировой войны и был призван, на примере духовного роста героя, превращения его из богатого плантатора, одержимого амбицией и смутно осознаваемыми революционными идеалами, в борца за общенародное дело, в подлинного революционного военачальника, кующего армию, способную побеждать, вдохнуть мужество и веру в победу в сограждан. Роман этот был непонят ни советскими, ни американскими критиками, обвинявшими Фаста в создании апологетического образа Вашингтона, не учитывавшими сложности исторического момента и идейной задачи, поставленной автором перед собой. Роман этот не является отходом Фаста от прежних идейных позиций, от концепции

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. - P.193.

¹⁶ Ibid. - P.235.

¹⁷ Fast H. Op.cit. – P.159.

¹⁸ Ibid. - P.238.

¹⁹ Ibid. – P.239.

²⁰ Fast H. Op.cit. - P.241.

истории американской революции, выраженной в «Рожденной для свободы», о чем свидетельствует следующий его роман о революции – «Гражданин Том Пейн».

В плоскости жанровых модификаций, представляется вполне естественным, что после «Непобежденных», исторического романа, в котором в личности реально существовавшего лица воплощены закономерности исторического хода развития, Фаст пришел к роману биографическому, в котором внимание писателя сконцентрировано на личности героя, а история служит детерминантой и фоном для его могучей индивидуальности. Подобной жанровой метаморфозе способствовали принципы видения личности в «Непобежденных»; их логическое развитие сделало закономерным появление в творчестве писателя биографического романа. Появление романа о Пейне было закономерно и с точки зрения мировоззренческой эволюции писателя – от воссоздания личности Вашингтона, главнокомандующего революционной армии, Фаст пришел к самому радикальному революционеру эпохи, каким был Томас Пейн.

Концепция личности Пейна в романе Говарда Фаста, в котором автору удалось объемное, художественно полноценное изображение героя, может быть сведена к следующим ипостасям: гражданин мира, возлюбивший все человечество и сделавший своей целью его освобождение, любивший повторять: «Мир – моя деревня»; профессиональный революционер, стремившийся на практике воплотить свою мечту о свободе и равенстве для всех; разделявший во времена американской революции все тяготы и лишения с солдатами армии Вашингтона, объяснивший своими трактатами американцам суть происходящих в стране преобразований и приобщивший их, т.о., революции; на уровне идеи истории – философ, просветитель, выражающий идеи своей эпохи: «По праву рождения все принадлежит всем людям»²¹; борец и максималист, отказавшийся от любви и личной жизни ради служения революции. Фаст умело воплощает в своем биографическом романе концепцию Андре Моруа о важности нахождения в жизни отображаемого персонажа пружины, основной мелодии, позволяющей услышать музыку жизни, воплощенную к тому времени в практику американского биографического жанра. Для жизнеописания Пейна такими определяющими его личность и судьбу координатами стали часто встречающиеся в художественной ткани романа образы «революционер мира» и «английский корсетник», т.е. человек из народа, познавший душу американского народа и сформулировавший во время революции его заветные желания. Говард Фаст исторически и психологически точно воссоздает мирозастояние своего героя, его идею истории, воплощающую просветительские идеалы в наиболее радикальном виде, мечту о соединенных штатах Европы в союзе с соединенными штатами Америки, «американскую мечту», обретшую у просветителей новое, революционное содержание: «Более всего его волновало предназначение Америки: здесь появилось новое племя людей, отличавшихся не кровью, не классовой принадлежностью, не фактом рождения, но явным и простым обещанием, которое, ... лишнее величественной оправы гор, рек и долин, было ничем иным, как свобода, не больше и не меньше»²². «Гражданин Том Пейн» продолжает развитие той же концепции американской революции, которая нашла выражение в «Рожденной для свободы». Ключом к философии истории Фаста служит эпиграф, предпосланный роману, высказывание Бенджамина Раша об американской революции: «Вошло в обычай смешивать понятия «Американская революция» и «последняя американская война». Американская война окончена, чего никак не скажешь об американской революции. Напротив, завершена только первый акт великой драмы».

Для Фаста американская революция – это народная война, неизбежно принимающая классовый характер. Он подчеркивает любовь к свободе, изначально присущую американцам, лежащую в основе национального самосознания и любовь к печатному слову.

Среди причин, приведших в последнюю очередь обеспечивших успех американской революции, Фаст постоянно выделяет чувство собственного достоинства, свойственное американцам как нации, в отличие от народов Европы, рабов и по своему положению, и по своей психологии. Один из героев книги, выражая философию истории автора, так оценивает благоприятные условия для победы революции в стране: «У нас – нация вооруженных людей, которые умеют пользоваться оружием; наша протестантская традиция дискуссии всегда противостояла автократии, мы имеем представление о чувстве собственного достоинства и, самое важное, землю, которой хватит всем»²³.

В то же время Фаст показывает, что далеко не все граждане, особенно зажиточные, хотели революцию и поддерживали ее. Автор выявляет классовое деление общества в колониях, отсутствие гражданского единства, при которых революция не могла быть ничем иным, как действием низов, и не могла не принять характер гражданской войны, которую возглавил плебей, Том Пейн, прошедший все ступени унижения человека в феодальной Европе. Контраст остается основным выразительным художественным приемом Фаста и в этом его романе – контраст между нищенски одетым гениальным плебеем Пейном и вальяжными старыми и новыми хозяевами жизни – аристократами и теми, кто сумел обратить себе на пользу победы революционного народа. Роман построен на контрасте, охватывающем и систему образов романа, и расположение образов в нем, и его конфликт, носящий однозначно классовый характер, и сюжетостроение произведения.

²¹ Fast H. Citizen Tom Paine. – N.Y., 1945. –P. 82.

²² Fast H. Citizen Tom Paine. – N.Y., 1945. –P. 41.

²³ Fast H. Citizen Tom Paine. – N.Y., 1945. –P.117.

В каждом из романов Фаста, посвященных революции, обязательно присутствует еврей или еврей – в числе ее наиболее верных приверженцев: мудрый, прошедший ад разгромленного восстания и ссылки в Сибирь, но не утративший стремления к свободе Аарон Леви в «Рожденной для свободы»; Авраам Мара, охотник, считавший своим долгом распространение трактата Пейна «Здравый смысл» по стране, и Гонзалес, безвозмездно снабдивший Пейна деньгами для опубликования его трактата, в «Гражданине Томе Пейне»; пользующийся всеобщим уважением член Революционного комитета Леви в «Гордых и свободных». Вряд ли этот факт дает основания для обвинений Фаста в националистических тенденциях – обвинений, выдвигавшихся, не без причин, против исторических романов Фейхтвангера. Скорее это следование писателя историческим фактам – еврей, будучи наиболее дискриминируемой частью населения, с энтузиазмом встречали и принимали участие в революциях, надеясь обрести свободу и равенство с другими людьми.

«Гражданин Том Пейн» представляет более глубокий, чем два предыдущих романа Фаста, анализ революции как социального явления. Устами Бенджамина Раша Фаст вскрывает свое понимание революции: «... сила – в руках вооруженных масс. Я не говорю об идеалах, о том, что правильно или неправильно, хорошо или плохо, не говорю о морали, потому что, в конце концов, все это – лозунги, а единственное оружие – сила... Тирания держалась на силе, силе немногих. Сила многих – это революция»²⁴. В этом рассуждении очевидна идея аморальности любой революции, несовместимости морали и революции. Насилие, лежащее в основе любой революции, неприемлемо и для автора «Гражданина Тома Пейна», и для его биографического героя. Именно этим обусловлена трагедия Пейна в преклонном возрасте: ход истории обогнал его и его мечту, революция, которую он видел во Франции, зашла в своем естественном для революции развитии слишком далеко, и ее террора, «диктатуры толпы, а не архии» Пейн принять не мог, за что едва не заплатил жизнью на гильотине революционного Парижа. Выбор автором своего героя, сочувственное изображение его идейной и нравственной позиции по этому, столь важному в мировоззренческой структуре, вопросу, нелицеприятное изображение вождей якобинцев, отсутствие собственного авторского комментария или выражения в какой бы то ни было форме своей собственной идейной позиции позволяют сделать вывод, что в период создания романа о Пейне Говард Фаст и сам более не принимал идею революционного насилия; его моральный подход к проблеме перевешивал умозрительное понимание необходимости диктатуры для успеха революции.

С точки зрения психологии художественного творчества представляют интерес эпизоды романа, либо предвещающие последующие произведения писателя, либо напоминающие нам о предыдущем романе. Так, эпизоды о рыбаках, которые помогли Вашингтону под носом у противника эвакуировать его армию, позорное поражение на Манхэттене, победа при Делаваре словно являются кратким пересказом соответствующих эпизодов из «Непобежденных». Концепция личности Вашингтона в «Гражданине Томе Пейне» осталась неизменной по сравнению с «Непобежденными». Даже определение его личности повторяется: «постоянно ошибающийся охотник на лис». А сцена расстрела мирных жителей в Лексингтоне является своеобразным эскизным наброском «Апрельского утра». Это сходство способствует восприятию романов Говарда Фаста как художественного целого, как нескончаемой саги революции.

Наиболее глубокий анализ американской революции содержится в следующем историческом романе Фаста – «Гордые и свободные». Роман посвящен восстанию одиннадцати интернациональных бригад Пенсильванской армии и охватывает события зимы 1781 года, когда солдаты, выходцы из разных стран Европы, представители разных наций и вероисповеданий, доведенные до отчаяния голодом, холодом, притеснениями офицеров-дворян, убивающих солдат за любую провинность, «обездоленные и преданные», провели съезд, избрали свой революционный комитет сержантов и постановили изгнать из своих бригад офицеров. Роман основан на социальном, классовом конфликте – неимущие против дворянства, против имущих в американской революции, и ни в одном романе Фаста этот конфликт не достигает такой остроты и силы, как в «Гордых и свободных». В нем Говард Фаст в полной мере развивает и воплощает в художественных образах свою концепцию американской революции, Войны за независимость как классовой войны, в которой непреодолимая вражда разделяла неимущих американцев и тех, кто, обладая богатством и положением, вел их на борьбу с англичанами, будучи по своей социальной сути, по образу жизни гораздо ближе к противнику, чем к собственным согражданам. Завязка конфликта в романе и объясняется героем, Джеймсом Стюартом, тем, что вот уже пять лет солдаты революции воюют за ее идеалы, но до сих пор «мы – бедняки под началом богатых, обделенные, которых ведут те, кто наделен имуществом; и от тех, кто красиво говорил о свободе, мы видели только проклятия и наказания плетью»²⁵. Фаст постоянно подчеркивает близость офицеров, «дворянства», как называют их его герои в романе, к богачам, поддерживающим Короля. По мысли Фаста, классовые интересы преобладают в армии Конгресса, она классово расколена и потому недееспособна. Концепция американской революции Фаста предвосхищает философию истории Гора Видала, его взгляд на американскую революцию, выраженный в «Бэрре». Совпадают даже детали: Фаст, как впоследствии Видал, также делает акцент на том, что дельцы от революции, продажные политические деятели за взятки потворствовали врагам.

²⁴ Fast H. Citizen Tom Paine. – N.Y., 1945. – P.116.

²⁵ Fast H. The Proud and the Free. –Boston, 1956. – P. 28.

Этот классовый антагонизм, по Фасту, на уровне идеи истории прекрасно осознают его герои. Джеймсу Стюарту, главному герою романа, вошедшему в Революционный комитет сержантов и от его имени агитирующему в пользу восстания, один из солдат бросает: «Да пропади она пропадом, эта Революция! Вместо одних хозяев будут другие, так всегда и было, ... так будет и теперь»²⁶. А друг героя, Джек Малони, готов умереть «... за свободу, но не за Уэйна, не за холодного виргинского фермера /Вашингтона – Т.К./, не за этот трусливый Конгресс в Филадельфии, не за имущество любого грязного лорда и толстого патрона в Джерси, не за табачные плантации и торговый флот Бостона, не за склады Нью-Йорка – не за это, но за свободу и немного достоинства для тех, кто был рожден и рос, как я»²⁷. Автор постоянно подчеркивает гордость, достоинство восставших бойцов, для которых главное – свобода и которые они обретают в борьбе за свободу. Пафос книги вдохновлен борьбой за свободу простых людей Америки, воинов интернациональных бригад, что нашло отражение и в заглавии романа. Классовый антагонизм проникает весь роман; на классовом контрасте построены сцены, описывающие встречи враждебных сторон – членов комитета и «дворянства». Вот генерал Уэйн, командир Пенсильванской армии, с такой симпатией изображенный в «Рожденной для свободы», в начале восстания, видя, что угрозы его не действуют, пытается договориться с членами комитета, с его главой Баузером. «Он, высокий, элегантный, в сапогах со шпорами и плаще, с тонким, красивым, тщательно выбритым лицом, стоял перед квадратной, оборванной громадой Вилли Баузера..... но все великолепие его ботинок на ремнях, прекрасных панталон из оленьей кожа, небесно-голубого камзола и темно-голубого плаща прикрывало человека раздавленного»²⁸.

Аккумуляция деталей, их накопление является важным стилистическим приемом Фаста в этом романе. В приведенной сцене эта аккумуляция деталей призвана усилить эффект контраста – классового контраста между прекрасно одетым генералом и его раздетой и разутой армией, и психологического – между людьми, уверенными в своей моральной правоте и силе, и внешне блестящим, но внутренне опустошенным командиром, который вдруг обнаружил, что потерял армию. Воздействие этой сцены усиливается политическими требованиями, которые Баузер предъявляет Уэйну: сделать Декларацию Независимости действующим законом для армии, дать землю фермерам Джерси и Пенсильвании, а также солдатам.

В том же идейном и стилистическом ключе решена сцена более поздней встречи генералом с членами революционного комитета. Классовая пропасть, разделяющая этих людей, проявляется даже в описании их внешностей: «...рядом с дворянством мы выглядели недостойными, которые всегда надоедали и сморщились раньше времени... от тех офицеров нас отделяла тысячелетняя граница между сквайром и крестьянином, между хозяином-купцом и работником со сломанными ногами, между белым господином и черным рабом, между английским протестантом и ирландцем-католиком, между христианским миром и ненавидимым евреем»²⁹. Эта идейная оппозиция построена на повторах пар антагонистических понятий. Само описание встречи также основано на совмещении антагонистических деталей, призванном передать социальный антагонизм тех, кто собрался за одним столом решать дальнейшую судьбу революции: яркий огонь в камине и ледяной ветер, проникающий во все щели полуразрушенного Зала Нассау; ярко освещенный свечами стол переговоров и тени и шуршание крыс в углах.

Однако подлинного драматизма классовое противостояние героев достигает в сцене передачи Джейми Стюартом генералу Уэйну двух шпионов Короля, явившихся к восставшим с выгодными предложениями перейти на сторону англичан. Людей, казалось бы, борющихся за общее дело разделяет непреодолимая классовая пропасть, вражда. И Уэйн, и герой оба осознают это: «Бледные и спокойные, стояли они /офицеры – Т.К./, спокойные и исполненные ужаса и безнадежности – и я понял, насколько страшна и чудовищна война, но не было ничего страшнее войны за свободу, потому что в ней нет места прощению, ни со стороны хозяев, ни со стороны рабов...»³⁰ Эта сцена является кульминационной и в процессе осознания героем трагичности классовой конфронтации в Войне за независимость, осознания ими обреченности их выступления и своей мечты о «новой республике».

Некоторое время спустя, уже находясь дома, герой так суммирует разногласия в рядах войск, сражающихся за революцию: "... вскоре мы поняли, что недовольство и боль офицеров-дворян не были нашей болью, что мы для них были только средством достижения их цели. В рядах интернациональных бригад был один класс, и был другой класс, который нас вел, и никогда между этими классами не было ни точки пересечения, ни понимания»³¹.

Воссоздавая миропонимание своих героев, восставших солдат интернациональных бригад, Фаст на уровне идеи истории показывает, что двигали ими, добровольцами революции, преданность революции и стремление, очистив армию от дворянства, на самом деле не желающего победы революции из страха перед революционным народом, довести революцию до конца, мечта о «превращении застывшего, застоявшегося ручья Революции, в мощный новый поток; мечта о том, чтобы все фермеры, ремесленники и крепостные, поднявшись, смели бы горстку англичан в океан, как мусор, а затем создали бы подлинно

²⁶Fast H. The Proud and the Free. –Boston, 1956. – P.73.

²⁷ Ibid. – P. 117.

²⁸ Ibid. – P.92.

²⁹ Fast H. The Proud and the Free. –Boston, 1956. – P. 170.

³⁰ Ibid. – P.200-201.

³¹ Fast H. The Proud and the Free. –Boston, 1956. – P. 263.

новый мир, в котором были бы свобода и равенство для всех...»³² И потому герои Фаста отождествляют свой революционный комитет с самой революцией: «Мы – Революция!» – с упоением восклицает один из них, заявляя далее, что «Революция только сейчас началась»³³. Целью восстания, по признанию главного героя, от лица которого ведется повествование, было «не только реформировать Пенсильванский фронт Революционной армии, но ... наши жизни и нашу судьбу и жизни и судьбы народа на нашей земле...»³⁴. В краткие несколько дней, отведенные историей свободе и независимости интернациональных бригад, солдаты попытались воплотить свои неясные мечты о прекрасном будущем обществе свободных в жизнь. Они наладили классы для детей, которые посещали и солдаты, потому что они «изголодались по достоинству и образованию, и этот голод был таким же большим, как и голод по пище»³⁵. В лагере изучали Декларацию Независимости и «Здравый смысл» Пейна, первыми выдвинули предложения, касающиеся свободы слова, собраний и обращений к правительству с петициями, предвосхитив т.о. ход истории на несколько десятков лет – эти политические свободы материализовались только при Джефферсоне. В лагере расцвели ремесла, наметился зародыш счастливого общества будущего, и герою, Джейми Стюарту, казалось, что его мечта о новой республике может воплотиться в жизнь.

Постепенно члены революционного комитета начинают понимать, что реальных путей к свободе, к новой республике они не знают и не найдут. Говард Фаст глубже современных ему исторических романистов осознает Войну за независимость как буржуазную революцию, в которой революционный народ участвует, но победить не может, и заставляет осознать это своих героев. И вот уже Джек Малони в жестоком опоре с героем пытается доказать последнему, что их единственный выход – договориться с дворянством: «Эта проклятая революция – их война! Корочка хлеба – для нас, но весь кусок – их!»³⁶. Да и герой начинает осознавать историческую обреченность восстания, невозможность победы народа в буржуазной революции: «мы провалились, потому что не знали иных путей, кроме тех, которые могло предложить дворянство»³⁷. А мудрый Баузер, любимый герой Фаста в этом романе, подводит итог под восстанием: «Мы – как зерно, созревшее до срока. Мы выросли из собственного мятежа дворянства и дали урожай, которого они страшно боятся, и ни они, ни мы не знаем как его собрать»³⁸. Замечательна историческая прозорливость Фаста, писателя, вроде бы разделяющего марксистско-ленинское мировоззрение, но осознававшего еще в 1950 году невозможность перепрыгнуть через исторический этап развития общества.

Этот роман Фаста подводит итог и под многолетними размышлениями писателя о праве революционного насилия на существование революции, о его моральной оправданности, о его допустимости; о приоритете идеи над человеческой жизнью. Решить эти проблемы помогает Фасту образ созданного им в этом романе главного героя.

Вот Джейми Стюарт получает свое первое задание от Революционного комитета – и сам поражен вдруг появившемуся у него фанатизму, готовности убить друга, если он станет на пути Дела. Тонко, психологически точно подмечено у Фаста, как идея подчиняет себе нравственность, рождает новое понимание ее. Таким -революционным фанатиком, ортодоксом идеи, остается герой на протяжении всего восстания. На вопрос друзей, будет ли он стрелять в Легкую кавалерию, отправленную для подавления восстания, он с беспощадной решительностью отвечает утвердительно, вызывая их ужас – стрелять в своих!

Для анализа интересующих его проблем Фаст специально создал героя, наделенного в большой степени чертами ортодоксальной преданности идее, готовности во имя идеи /свободы/ приносить в жертву интересы людей и их самих. Сирота, сын долговых рабов, не имеющий ни гроша за душой, Джейми Стюарт вынес из жизни ненависть и вражду к имущим. Герой, мировоззрение которого не может не быть классовым, всецело предан идее свободы, и потому добровольцем в 17 лет ушел в армию Конгресса, а в 22 года, увидев богатую сторону Войны за независимость и почувствовав, что главный враг – классовый, свои же офицеры-дворяне, возглавил восстание интернациональных бригад Пенсильванской армии. И вот этот герой, вынесший из восстания тяжкий урок того, что путь к свободе пока не известен, в мучительный момент выбора, когда семеро его друзей, бывших членов революционного комитета, не выдержав издевательств, выступили против офицеров и, он знает, если он присоединится к ним, то его поддержат полки, и офицеры будут сметены, а его друзья – спасены, и начнется новое восстание, а иначе друзей уничтожат; несмотря на свою революционную одержимость, классовую ненависть и горячность, свойственную его 22 годам, не присоединяется к ним, т.к., он это понимает, это вызовет гражданскую войну. А это значит: «пятна крови и смерти на нас, нас, убивших своих братьев и высекивших искру, превратившую войну в братоубийство. Я ощутил безнадежность этого, глубокую, горькую, жалкую бесполезность этого, потому что это была еще одна дорога в никуда, в надежду и мечту, которые не могли осуществиться... А если они умрут сейчас ... мы завершим с офицерами то, что было нами начато совместно. То, что нужно

³² Ibid. – P.71.

³³ Ibid. – P.40.

³⁴ Fast H. The Proud and the Free. –Boston, 1956. – P. 43.

³⁵ Ibid. – P.181.

³⁶ Fast H. The Proud and the Free. –Boston, 1956. – P.178.

³⁷ Ibid. – P. 231.

³⁸ Ibid. – P.306.

завершить»³⁹. Любую цену народной крови ни Фаст, ни его герой платить не хотят. К тому же выводу, только еще раньше, Фаст приводит и других героев своего романа. В начале восстания члены революционного комитета сразу же отменяют кажущееся единственно логичным предложение идти на Филадельфию, где заседает Конгресс, ибо это повлечет начало гражданской войны и поможет Короне расправиться с восставшими колониями. В конце восстания, призывая солдат вернуться под начало офицеров, мудрый Баузер объясняет солдатам: «Мы могли бы пойти на авантюру, и вы бы, возможно, последовали за нами, но мы считаем, что с человеческой жизнью нельзя экспериментировать... Нет у нас иного пути, кроме как пролить кровь наших же сограждан. Но нельзя брата обратить против брата, и потому мы отказались от него. Мы поступили правильно, отринув этот путь, не от слабости нашей, но от силы!»⁴⁰.

Фаст против гражданской войны, даже за интересы страны и народа, даже если это – единственный путь для торжества социальной справедливости. Может быть, поэтому он в своем творчестве никогда не обращался к теме Гражданской войны.

Эта идейно-нравственная позиция, результат многолетних раздумий Фаста над оправданностью насилия над личностью и диктатуры, делает понятным и предсказуемым выход Фаста из рядов Компартии США в 1956 году после того, как он узнал об утверждении принципов классовой борьбы и победы в СССР на костях политических оппонентов. Внимательно прочти советские критики исторические романы Говарда Фаста, проследи они за эволюцией его мировоззрения, поступок Фаста не привел бы политические и литературные круги Советского Союза в состояние шока!

Роман «Гордые и свободные» явился переломным в осмыслении истории американским историческим романом в XX веке. Он положил начало линии отхода от прославления борьбы за торжество нового справедливого общества показом исторической невозможности такое общество в современных условиях построить. Как мы увидим, авторы последующих исторических романов сосредоточатся на индивидуальном бунте своих героев, на исследовании бунта индивидуального сознания в определенной исторической коллизии.

Впрочем, Говард Фаст ни в коем случае не отказывается ни от борьбы за свободу как наиболее достойного жизненного предназначения, ни от мечты о новом справедливом обществе будущего, Роман «Гордые и свободные» оформлен как мемуары постаревшего и мудренного жизненным опытом Джеймса Стюарта, помогающего на склоне дней аболиционистам, превратившего свой дом в станцию подземной дороги свободы. Герой /и автор, стоящий за ним, выражающий в этом случае свою позицию через своего героя/ смотрит на движение аболиционистов как на продолжение борьбы за свободу, начатой солдатами Войны за независимость, его братьями по оружию. Неразрывность исторического деяния, непрерывающаяся борьба за свободу составляют главную тему романа Говарда Фаста, проходящую красной нитью через весь роман, и ядро философии истории самого автора. «Я вижу нить, которая связывает времена»⁴¹, с удовлетворением констатирует герой, вспоминая свои юношеские мечты о свободе для всех, а, завершая свой рассказ о восстании интернациональных бригад, все вожди которого были перебиты, кроме него, подчеркивает, что оно не прошло даром, что «Их история рассказана только наполовину. Следующая глава пишется сейчас теми горячими душами, которые называют себя аболиционистами, и, я думаю, эта глава тоже не будет последней»⁴². Такая мысль звучит и в посвящении, предпосланном роману: «Памяти храбрых солдат пенсильванских бригад и их все еще не осуществленной мечты». Однако роман Фаста относит осуществление этой мечты в неопределенное будущее, и ни в коей мере не освящает путь к нему через кровь и насилие над личностью. Написанный в самый разгар маккартизма, роман Фаста, демократа и гуманиста, не мог не отразить возмущение писателя и его отвращение к любым формам насилия над личностью и достоинству, в том числе духовному.

Говард Фаст – большой мастер исторической реконструкции, «проигрывания», по Коллингвуду, воссоздания мироприятия людей описываемой им эпохи и общественного сознания американцев 70-80-х годов ХУІІІ века. Он выявляет национализм, расцветший пышным цветом в революционной армии, проводниками которого были офицеры, «дворянство», и показывает, что в многонациональных бригадах между солдатами не существовало национальных разногласий или антипатий, их военное братство было скреплено вместе пролитой кровью и совместно переносимыми тяготами и лишениями. Герои Фаста исповедуют принципы Декларации Независимости и цитируют их, как свое жизненное кредо: «все люди сотворены равными; они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, среди них – право на жизнь, свободу, поиск счастья». Добрый и просвещенный пастор Брэкен в споре с героем отстаивает основные принципы нового буржуазного государства, подкрепленные «американской мечтой»: индивиды разные, с разными способностями и задатками, одни в свободном государстве, благодаря своим добродетелям процветают, другие останутся в своем скромном положении. И эта книга Фаста создает яркую картину не только событий, но и интеллектуальной жизни эпохи.

Последний значительный роман Говарда Фаста о Революции – «Апрельское утро». /"Переправа", последний в хронологическом ряду романов Фаста о Революции, посвящен эпизоду, описанному

³⁹ Fast H. The Proud and the Free. –Boston, 1956. – P. 303.

⁴⁰ Ibid. – P. 230.

⁴¹ Fast H. The Proud and the Free. –Boston, 1956. – P. 182.

⁴² Ibid. – P.311.

в «Непобежденных», и не добавляет ничего нового к авторской философии и идее истории/. Эта книга о начале американской революции, о ее первом дне, 19 апреля 1775 года, об утре кровавой бойни в Лексингтоне, о том, как подросток под влиянием ворвавшейся в его жизнь войны за один день стал мужчиной, и о нации, тоже возмужавшей в один день, осознав необходимость борьбы за свободу; о том, как лавочники и фермеры, не собиравшиеся воевать еще утром, поняв необходимость защищать себя и свою землю, взяли за оружие и, действуя смело и организованно, разбили большой отряд англичан. Не случайно юного героя этого романа зовут Адам – его имя символизирует рождение нового человека на американской земле.

И в этом романе Фаст преуспел в воссоздании идеи истории отображаемого периода. Его герои – строгие пуритане, сделавшие требования пуританской религии своим нравственным кодексом, и в то же время – люди эпохи Просвещения, стремящиеся все постичь разумом, а не принимать на веру; истинные американцы, живущие на этой земле уже полтора столетия и более всего дорожащие своей свободой и независимостью. Фаст показывает проявления этой свободы и независимости на всех жизненных уровнях: от окрашенных легкой иронией автора бытовых инцидентов /"политических" разногласий хозяек деревни по вопросу приготовления пудинга – запрет на традиционный английский пудинг из муки и пропаганда одного из американской кукурузы/ до организации комитетов и решения фермеров противостоять англичанам с оружием в руках. Впрочем, убивать крестьяне деревни никого не собирались – убийство противно их пуританским убеждениям, что неоднократно подчеркивается автором на протяжении всего романа. Мать героя, выражая общее отношение пуритан к убийству, с возмущением набрасывается на младшего сына, хвастающего, что своей винтовкой он убьет британского солдата: «В нашем доме не говорят об убийствах людей... Нам не доставляет удовольствия подобные бесчеловечные мысли... Мы – не дикари, не варвары»⁴³. Характер и цель их противостояния англичанам прекрасно выразил отец героя, общепризнанный местный оратор: «У нас – своя позиция и принципы, и мы обязаны их защищать... если они /англичане – Т.К./ придут и увидят, что мы твердо стоим на своем и при этом вооружены, они будут уважать нас. Это не путь к кровопролитию, но способ избежать его»⁴⁴. Ему вторит местный пастор, обращаясь к собравшимся встретить англичан односельчанам: «Мы ... только отстаиваем определенные права и привилегии, дарованные нам Господом Богом и борьбой наших отцов»⁴⁵.

Понимание своего долга американцами приходит в романе в конфликт с пониманием одного англичанина, тоже считающего себя людьми нравственными и подчиняющимися чувству долга, как они его осознают. После кровавого побоища, учиненного ими в Лексингтоне, обыскивая местность в поисках спасшихся американцев, двое англичан обсуждают коварство янки: «Вот мы стоим здесь, двое честных людей, выполняющих свой долг согласно торжественной клятве, данной Королю, а они в это время, может, собираются пристрелить нас вот из этого окна сверху»⁴⁶. Понимание Долга англичанами, по Фасту, безответственно, т.к. они видят свой долг перед Королем в уничтожении жителей колоний, своих бывших сограждан, видят долг в нарушении основных этических норм; а понимание долга жителями деревушки глубоко нравственно, потому что они видят свой долг в защите своих свобод, своей земли.

Снова Фаст возвращается к основной проблеме, определяющей его философию истории – проблеме насилия, оправданности его применения. Мудрый Соломон Чандлер так объясняет герою кажущуюся трусость мужчин Лексингтона, позволивших расстреливать себя на плацу: «Для того, чтобы выстрелить и убить, нужно не мужество, но состояние духа, делающее убийство возможным. Подобное состояние духа не так-то легко приходит к порядочным людям»⁴⁷. По Фасту, нравственное и духовное превосходство американцев над англичанами, рабами в душе, способных действовать только по приказу, и состояло в нежелании брать оружие, в надежде одержать победу над противником с помощью аргументов, испытанного, доброго оружия пуритан, в споре равных. Война была жителям колоний навязана; отстаивая свои свободы и землю, они решили вести ее до конца, но с прежним отвращением к убийству и насилию. Фаст подчеркивает, что перед боем утешением им служит то место из Библии, где сказано, что убийца должен быть убит, и заставляет пастора, в ответ на замечание Чандлера «Мы воюем во имя Бога», осудить убийство на войне, но допустить его только необходимостью борьбы за независимость: «Никто не воюет во имя Бога. Неужели недостаточно убивать ради свободы?... Мы только можем молить Бога о прощении убийства»⁴⁸.

Фасту дорог избранный им герой своей гуманностью, тем, что даже после убийства отца он находит в себе душевные силы сочувствовать обреченным англичанам, расстреливаемым на дороге в Бостон.

Вместе с другими фермерами он убивает англичан, но в душе его нет места ненависти и мести. Его позиция сходна с позицией героя «Гордых и свободных»: «Я не ненавижу англичан, но я люблю свободу». От Соломона Чандлера его во время боя отвращает то, что он убивал с видимым удовольствием.

⁴³ Fast H. April Morning.. – N.Y., 1961. – P. 44.

⁴⁴ Ibid. – P.74.

⁴⁵ Ibid. – P.87.

⁴⁶ Fast H. April Morning.. – N.Y., 1961. – P. 111.

⁴⁷ Fast H. April Morning. – N.Y., 1961. – P.118.

⁴⁸ Ibid. – P. 139.

В этом романе Фаст затрагивает проблему исторической правды и политической тенденциозности в ее решении. В конце бесконечно долгого дня, после разгрома отряда англичан к смертельно уставшему герою приступает газетчик из Бостона, желающий узнать, что же случилось утром на плацу в Лексингтоне. Адам отвечает, что он слишком устал, чтобы знать правду. На что следует язвительное замечание бдительного идеолога: «Патриот всегда знает, какова правда»⁴⁹. Фаст вместе со своим героем издевается над патриотами, всегда знающими нужную им правду. Сам он ортодоксальную веру в идею уже перерос.

В пафосе единения американцев в борьбе за свободу, нравственного возвышения их и превосходства в этой борьбе над врагом, которым проникнут роман, в воспеании силы их характера, внутреннего духа слышится призыв к современникам поскорее встряхнуть парализующее действие недавнего гнета /маккартизма/, и воспрепятствовать в дальнейшем любому посягательству на свои свободы, на демократию в стране, как сделали это полтора века назад их сограждане.

В этом оптимистическом пафосе произведения безусловно отразился подъем неолиберальных настроений в стране, отметивший первую половину 60-х годов – время президентства Джона Кеннеди и ранний период деятельности администрации Л.Б.Джонсона, основанный на попытках практического осуществления программ «государства всеобщего благосостояния», «великого общества», на принятии политической программы демократической партии – «новые рубежи».

Один из наиболее известных американских критиков 60-х годов Дональд Адамс, отмечая высокие художественные достоинства романа «Апрельское утро», ставит эту книгу выше общепризнанного шедевра Стивена Крейна «Алый знак доблести», из которого, по нашему мнению, вышла в XX веке американская реалистическая литература о войне, и выражает уверенность в том, что роман этот со временем станет американской классикой.

Исторический роман Говарда Фаста явился выражением и высшим достижением американского социального романа 20-30-х годов в исторической романистике и, вместе с тем, подвел черту под этим этапом развития американской литературы. В послевоенный период наряду с социально-критическими историческими романами, ставящими своей целью воссоздание определенных исторических событий и, через их призму, социального анализа современности, будет усиливаться линия на интровертность исторического романа, на сужение сферы исторического обзора, на погружение его в сознание отдельного индивида для выяснения реакции индивидуального сознания на историческое событие.

Наращение этой тенденции в американском историческом романе вызовет изменение принципов художественного обобщения. В историческом романе 20-40-х годов писатели, воссоздавая один исторический эпизод, наполняли его большим обобщающим смыслом, делали его выразителем и показателем исторических переломов, смещений всей эпохи; за сегментом был отчетливо различим весь круг. Послевоенные исторические романисты откажутся от подобных методов типизации, позволяющих увидеть «огромный мир в зерне песка», и стремятся замкнуться на субъективном индивидуальном сознании, переживающем исторические коллизии.

Стремление к философскому осмыслению бытия породит «параболический» исторический роман, в котором рассказ об эпохе, сюжет, система образов подчинены развитию, демонстрации философской идеи автора. Стойкое материалистическое видение истории Фаста, вера в поступательное движение истории, в исторический прогресс ("Я верю, что как в жизни людей, так и в жизни наций есть свой смысл"⁵⁰) сменит исторический субъективизм, пессимизм, агностицизм. Ярким выражением этих тенденций в послевоенном историческом романе стали романы У.Стайрона «Признания Ната Тернера» и Т. Уайлдера «Мартовские иды».

⁴⁹ Fast H. April Morning. – N.Y., 1961. – P.183-184.

⁵⁰ Fast H. The Proud and the Free. –Boston, 1956. –P. 9.